

В.И.ВЕРНАДСКИЙ О ЛИЧНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ КРЕДО КНЯЗЯ С.Н.ТРУБЕЦКОГО

У статті кандидата філософських наук, професора кафедри філософії Донецького національного технічного університету Людмили Опанасівни Алексеевої зроблена спроба осмислити світогляд В.І.Вернадського через його інтерес до особистості та світоглядної культури відомого російського філософа і суспільного діяча кн. С.М.Трубецького. Слідуючи за Вернадським, автор характеризує цілісність і внутрішню свободу особистості Трубецького, що знайшло своє відображення в єдності його філософської системи і життєвого шляху. У статті виявляється спільність поглядів, ідей, ідеалів, перегук особистісних і суспільно-моральнісних цінностей, співпадання життєвих позицій цих великих діячів науки, освіти, культури, а також визначається прогностичність і вражаюча уяву актуальність творчої спадщини В.І.Вернадського і С.М.Трубецького.

*Разгадкой служит искренность его жизни,
целостность его духовной личности
(В.И. Вернадский)*

Сергей Николаевич Трубецкой (1862-1905) – филолог, религиозный философ, главные интересы которого были сосредоточены в истории философии и, в частности, античной философии и раннего христианства. В этой области он защитил магистерскую диссертацию «Метафизика в древней Греции» (1890 г.) и докторскую диссертацию «О Логосе в его истории» (1900 г.). Будучи другом и сторонником выдающегося философа Вл.С.Соловьева, в русскую культуру С.Н.Трубецкой вошел как человек блестяще образованный, талантливый публицист, известный общественный деятель, приверженец конституционной монархии и автономии высшей школы, профессор и первый избранный ректор Московского университета, один из редакторов журнала «Вопросы философии и психологии» (1900-1905 гг.). С его именем связано заметное обогащение духовного опыта России. Безвременная кончина С.Н.Трубецкого (он ушел из жизни в возрасте 43 лет), по словам Л.М.Лопатина, «стала горем всей России, национальным горем» [1, 167].

16 марта 1908 г., когда не прошло и трех лет после смерти С.Н.Трубецкого и все еще остро переживалось в Московском университете чувство потрясения в связи с трагической утратой, с речью, посвященной памяти своего друга, выступил В.И.Вернадский (на тот момент – профессор Московского университета). Его речь «Черты мировоззрения князя С.Н.Трубецкого» в этом же году была опубликована в журнале «Русская мысль» и впоследствии включена в «Сборник речей, посвященных памяти князя С.Н.Трубецкого» (1909). Затем неоднократно переиздавалась.

Характеризуя время рубежа XIX-XX вв., в которое выпало жить и созидать Сергею Николаевичу, как безотрадное, время разброда, шатаний, неопределенностей, потери мировоззренческих ориентаций, В.И.Вернадский отмечает, что в этой ситуации Трубецкой не поддавался общему настроению упадка и, вопреки ему, нашел в себе силы верой и правдой самоотверженно служить высшим смысложизненным идеалам. Понятно, что будучи личностью неординарной, незаурядной, он осознанно взял на себя роль борца за высший смысл бытия подобно тому, как делал это в свое время его друг и учитель Вл.Соловьев. Интуиции Вернадского позволили ему сказать главные слова о Трубецком: «Вся его жизнь была *борьбой*. Это не была борьба политика, не была борьба человека улицы или газетного деятеля, - это была борьба свободной мыслящей человеческой личности, не подчинившейся давящим ее рамкам обыденности. Своим существованием и непреодолимым проявлением себя самой она будила кругом мысль, возбуждала новую жизнь, разгоняла ступившие сумерки. Та борьба, в которой прошла жизнь Сергея Николаевича, была борьбой ученого и мыслителя – она была проявлением вековой борьбы за свободу мысли, научного искания человеческой личности. Она была борьбой потому, что смело и твердо Трубецкой проявил *свою личность* в чуждой ей обстановке общественной забитости, общественного отчаяния, узкой кружковщины. Свободный, гордый дух его бестрепетно шел своей собственной дорогой» [1, 159-160].

Любопытно, что в этой речи, посвященной князю С.Н.Трубецкому, Владимир Иванович сразу указывает на характер его личности – свободной и целостной. «Благодаря *целостности* его личности, - подчеркивает В.И.Вернадский, - все другие ее стороны получили на этом общем фоне необычное в нашей окружающей жизни выражение. Они ею не затемнились и не погасались».

Он всегда оставался самим собой, всюду проявлял себя всего. Будучи мистиком, он в философии оказался критическим идеалистом, в науке – строгим и точным исследователем, в общественной жизни – сознательным деятелем. Философским мышлением и научной работой он заменил ненужные ему символические формы мистических настроений. В гармонии их – в своей личности – он мог убедиться, что несогласимые противоречия между этими сторонами человеческого существа рождаются лишь при подавлении какой-нибудь одной его стороной других ее проявлений» [1, 165].

В этой связи отклик Вернадского на жизненную позицию Трубецкого представляет интерес особого рода, поскольку самому Вернадскому были безразличны проблемы общего мировоззрения, в том числе ученых и педагогов, от позиции которых зависит уровень, характер и цели просвещения в России.

В данной статье предпринимается попытка (цель) осмысления мировоззрения В.И.Вернадского через его интерес к мировоззренческой культуре князя С.Н.Трубецкого. Примеры разработки этой проблемы имеются в современной историко-философской науке (П.П.Гайденко, М.А.Маслин, Р.К.Баландин и др.). Однако нам представляется принципиально важным продолжить это осмысление в двух направлениях, обозначенных самим Вернадским.

В.И.Вернадский обращает внимание на то, что жизнь и философское мышление С.Н.Трубецкого – это живой пример глубокой гармонии обычно разделенных проявлений духовной жизни человека. «Его *личность* – отмечает Владимир

Иванович, - всюду вносила необходимый корректив и создавала своеобразную гармонию. Ее создание, его философская система, является одной из наиболее оригинальных и глубоких проявлений свободного личного творчества. Этим она получает чрезвычайно целостное выражение» [1, 165].

Принцип целостности как основополагающий мировоззренческий и научный принцип С.Н.Трубецкого получает свое философское воплощение в развиваемой им идее соборности и, как отмечает П.П.Гайденко, в его убеждении в том, что личность не может быть мыслима вне общественного целого. И далее, развивая это положение, она указывает на преемственную связь между Трубецким и славянофилами. Идея соборности не есть открытие Трубецкого, эта идея принадлежит славянофилам, «критиковавшим евро-пейскую философию за ее индивидуализм, распространявшийся как на трактовку познания, так и на понимание человека. ...С.Н.Трубецкой расходился со славянофилами по вопросам общественно-политическим, историческим, церковным, но в понимании человека и природы человеческого знания во многом был с ними согласен. Познание он рассматривал как живой универсальный процесс, осуществляемый людьми совместно» [2, 23].

Подлинное знание, по мнению Трубецкого, может быть получено в процессе гармоничного сочетания опыта, разума и веры.

Имея в виду наличие отмеченной преемственности между Трубецким и славянофилами по вопросу соборности, необходимо, однако, прислушаться и к мнению М.А.Маслина, не без основания заявившего, что «у Трубецкого рамки этого понятия существенно раздвигаются» [3, 7].

Размышляя над вопросом – индивидуально ли, субъективно ли сознание или же оно соборно? – Трубецкой становится убежденным сторонником концепции соборного сознания. В работе «О природе человеческого сознания» он выдвигает свое понимание соборности сознания и того, как оно возможно. «Я думаю, - пишет Трубецкой, - что человеческое сознание не есть мое личное отправление только, но что оно есть коллективная функция человеческого рода. Я думаю также, что человеческое сознание не есть только отвлеченный термин для обозначения многих индивидуальных сознаний, но что это живой и конкретный *универсальный* процесс. Сознание обще всем нам, и то, что я познаю им и в нем объективно, т.е. всеобщим образом, то я признаю истинным – от всех и за всех, не для себя только. Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что *должно* быть таковым для всех. Наше общее согласие, возможное единогласие, которое я непосредственно усматриваю в своем сознании, есть для меня безусловный внутренний критерий, точно так же как внешнее, эмпирическое согласие относительно каких-либо опознанных, общепризнанных истин есть критерий внешний, авторитет которого зависит от первого» [4, 495].

Очевидным выражением соборности сознания С.Н.Трубецкой считал слово. Каждое слово, в его понимании, доказывает факт коллективного сознания. Посредством слов человек мыслит, в форме слова его мысль получает свое выражение, объективно обобщается. Слово предполагает органическую способность взаимного понимания, родовое психологическое единство людей, их общение, врожденную способность речи, общую всем нормальным индивидам человеческого рода [4, 497-498].

Небезынтересны и другие аргументы С.Н.Трубецкого относительно соборности сознания. Мы все, рассуждает он, неотрывно связаны с окружающим миром не только материально, но и духовно. Эта связь расширяет пределы нашей личности. Воспроизводя и обобщая мысли Трубецкого о соборности сознания, Р.К.Баландин интерпретирует их следующим образом: «Своим знанием слов, языка, самой способностью мыслить мы обязаны другим людям, многим поколениям, а в пределе – всем людям за все время их существования, ибо сами являемся крохотной частичкой всего человечества. ...Мозг в таком случае предстает лишь средством для восприятия всего того, чему мы научились – у кого-то и в связи с чем-то и что досталось нам генетически. И тогда оказывается, что даже далекие звезды и незримые атомы принимали участие в нашем сознании. Оно предстает именно как осознание, знание со всеми; как частичка всеобщего знания. Индивидуальное сознание невозможно, немислимо без такого всеобщего сознания» [См.: 5, 313].

Но и у самого Трубецкого, как можно увидеть ниже, эти же интуиции достаточно очевидны. «Большинство человеческих действий и характеров определяется врожденными свойствами, воспитанием и влиянием общественной среды, - *унаследованным и внушенным* сознанием» [4, 556].

Рассматривая вопрос о природе сознания, Трубецкой пришел к выводу: сущность сознания – в его соборности. С этих позиций им осмысливается и проблема формирования языка и мышления в индивидуальном развитии человека как результата взаимообусловленного влияния факторов природного, социального и высшего духовного (идея вселенского сознания) порядка. Сам философ мыслил мировой процесс, организованный Логосом, но при этом в качестве участников этого процесса допускал человека и человечество как субъектов «малого» логоса. Однако в использовании «малого» логоса Трубецкой видел проблему. «Для того, чтобы овладеть словом и рассудком, - полагал Сергей Николаевич, - человек должен быть воспитан людьми. С одними врожденными способностями, имея язык и разум, он никогда не выучился бы говорить и думать. Ибо органическая соборность человеческого сознания предполагает не только родовое единство, но личное живое общение между людьми, - и не только род и индивид, но особое сверхличное начало, в котором примиряется родовое с индивидуальным» [4, 498].

Подводя итоги *предварительного* понятия о природе сознания, С.Н.Трубецкой делает вывод: «Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным» [4, 498]. Но при этом философ не считал соборное сознание единственно возможным, он не исключал субъективное, личностно-сознательное бытие, объективное существование идеалов, идей. Отстаивая соборность сознания, Трубецкой, тем не менее, осуществлял анализ и тех учений, которые рассматривали сознание как личную функцию, чтобы убедительно представить свой вывод. Такова позиция объективного и добросовестного исследователя, каким и был наш великий философ.

Расширяя представление о соборной природе сознания, Трубецкой анализирует в рамках христианской нравственности *любовь* как деятельное, практическое воплощение принципа соборности, предварительно исследовав ее природу, эволюционный путь становления. В упомянутой уже работе «О природе человеческого сознания» он писал: «Мы знаем

любовь как естественную склонность, как нравственный закон, как идеал; она является человеку сначала как инстинкт, затем как подвиг, наконец, как благодать, дающаяся ему. Ибо по мере нравственного его развития он все глубже проникается ее сознанием. Сначала он естественно *ощущает* расположение к некоторым людям и в своей семейной жизни учится сочувствовать им и жалеть их. Затем, по мере того, как его общественный кругозор расширяется, он *сознает* общее значение нравственного добра, он видит в любви свой *долг*, понимает ее как всеобщий *закон* и признает как *заповедь* над собою, чтобы, наконец, *поверить* в любовь как в Божество» [4, 587]. Стремясь постигнуть основной «механизм», который обеспечивает природу соборности, С.Н.Трубецкой показывает, как в стихии любви рождается соборность и как она поддерживается, укрепляется через высший смысл любви.

Здесь важно иметь в виду также трактовку понятия «соборное сознание» у Трубецкого, на которое обращает внимание П.П.Гайденко. «Понятие «соборное сознание», которое предполагает единение людей, их согласие и любовь, - отмечает она, - и понятие «вера» тесно между собой связаны» [2, 36-37]. Как известно, вера у Трубецкого не противостоит разуму. Исходя из этого, П.П.Гайденко характеризует главное мировоззренческое кредо С.Н.Трубецкого: «философ остается приверженцем Логоса, дополненного верой, ибо убежден, что в основе мира – духовное разумное и любящее Начало, а потому мир в сущности своей благ. Отсюда проистекает оптимизм С.Н.Трубецкого, здесь источник его деятельной энергии, его сочувственного отношения ко всем благим начинаниям, его неутомимой академической и гражданской деятельности на пользу науки и отечества» [2, 37].

Умение С.Н.Трубецкого гармонично сочетать религиозную веру с рациональным способом постижения мира было весьма оригинально отмечено и русским философом старшего поколения Л.М.Лопатиным. В его работе «Современное значение философских идей князя С.Н.Трубецкого» мы находим такие слова: «Подобно своему другу Соловьеву, князь Трубецкой умел соединять с горячей и непоколебимой религиозной верой совершенное свободомыслие. В своей философии князь Трубецкой был сознательный рационалист. ...Он верил во внутреннюю разумность сущего, и поэтому верил, что разум, при серьезном и вдумчивом отношении к его требованиям, нас не выдаст и не обманет. Он заботливо вскрывал антиномии и в бытии и в познании, но для того, чтобы разрешать их в примирительных синтезах» [цит. по: 2, 37].

Видя в соборности особый социально-организационный принцип, проф. Ф.В.Лазарев рассматривает его как условие духовного возрождения России, которое, на его взгляд, «возможно только через возвращение к простым и очевидным для русского сердца ценностям – к взаимопомощи, солидарности, душевности, искренности, всечеловеческой отзывчивости» [6, 188]. Исходя из синтеза религиозной веры и рационального способа постижения мира, он, однако, полагает: «Идея соборности сегодня нуждается еще в одном дополнении – в принципе духовно ориентированного разума, в «ноосферной философии». И далее профессор выражает надежду на то, что в XXI веке «славянское любомудрие сделает новый шаг, соединив философию сердца с принципом рациональности. Сердце станет мудрым, а мудрость сердечной» [6, 191]. Как видим, в современной философии обнаруживается немало удивительных переключений с темой «Вернадский-Трубецкой».

Целостность и гармоничность личности С.Н.Трубецкого проявилась еще в одном важном аспекте его учения о соборности, на который обратил внимание профессор М.А.Маслин. Подлинным выражением соборного сознания Трубецкому представлялся университет. «Нам нужно, - считал он, чтобы университет перестал быть агрегатом «отдельных посетителей», чтоб он стал одним цельным организмом, одушевленным одними и теми же научными и нравственными идеалами» [цит. по: 3, 8]. Понимание общественного и культурно-нравственного значения университета как корпорации особого типа сложилось у Трубецкого в годы студенчества, а затем и преподавательской деятельности в Московском университете, а также в процессе ознакомления с опытом постановки университетского образования в Германии (1890-1891).

Обогащенный европейским опытом, С.Н.Трубецкой развивал идею университетской корпоративности на русской почве, в том числе на посту ректора Московского университета. Неоднократно выступая перед общественностью университета, он акцентировал внимание на поиске «правильного пути к выработке русского, самобытного и национального университета», который, в его представлении, должен стать «светлой культурно-общественной силой», так необходимой России [3, 8]. Как видно, здесь нет речи о простом копировании, бездумном повторении европейского образовательного опыта. Здесь определяется другая позиция – позиция творческого осмысления и использования полученного опыта, поиска правильного пути для созидания национального университета, способного решать назревшие задачи общественного и культурного развития России-Евразии.

Такая позиция была характерна и для В.И.Вернадского. В самом начале XX века, обозревая историю развития русских университетов, В.И.Вернадский отмечал, что они испытали на своем пути разнообразное влияние более древних европейских университетов (немецких, голландских, шведских, польских) и учебных заведений Украины (например, Киево-Могилянской академии, Кременецкого лицея и т.д.). Но при этом, сохраняя общие с ними образовательные принципы, университеты России находили своеобразную форму их выражения, соответственно своим условиям и назревшим общественным задачам. Подчеркивая это, Владимир Иванович писал: «В живом и могучем теле русского государства и общества, очевидно, не могло быть места механическому перениманию» [7, 120].

Нельзя не согласиться с В.И.Вернадским (который прекрасно знал Россию, историю русских университетов и не понаслышке - их положение, аккумулировал богатый опыт постановки университетского образования в Западной Европе), когда он писал, что не могло быть и речи о слепом копировании западного опыта и бездумном подражании чужому.

В современных условиях, когда с упорством, достойным лучшего применения, насаждаются западные стандарты образования, было бы непростительной ошибкой забывать богатую образовательную традицию России и Украины, которая в концентрированной форме предстала в просветительской и организационно-образовательной деятельности С.Н.Трубецкого и В.И.Вернадского. В последние годы становится все очевиднее, что радужные надежды, возлагающиеся на западный образовательный стандарт, не оправдали себя. Более того, как неоднократно отмечалось в российских и украинских научных кругах, ориентация на узкую специализацию привела к снижению уровня фундаментальной и гуманитарной подготовки специалистов и тем самым поставила под вопрос научный и человеческий потенциал нашего общества.

А между тем, первоначальный замысел Болонского процесса (который репрезентирует западную образовательную модель), заключается в том, что образование формирует страну и цивилизацию, обеспечивает качество главного в XXI веке геокультурного стратегического ресурса, каким является человек. Поэтому интеграция в европейское образовательное пространство не должна сводиться к приспособлению к зарубежным правилам. Она с необходимостью требует культивации собственной системы образования, отвечающей реалиям нашей экономики, соответствующей национальным интересам своей страны. Используя лучшие достижения европейского образовательного опыта, важно обогатить ими собственные, проверенные временем традиции отечественного образования.

Отсутствие четко выраженной собственной позиции в этом вопросе ведет к превращению нашей страны в демографический и сырьевой придаток Европы, в страны которой стремятся выехать наиболее образованные, квалифицированные, талантливые молодые люди. Если будет и далее продолжаться некритическое, слепое следование зарубежным образцам высшего образования, то еще более усилится отток самой активной и трудоспособной части населения Украины.

Возвращаясь к поднятой в статье теме, будет уместно напомнить о том, что В.И.Вернадский и С.Н.Трубецкой, как сверстники и современники, были связаны общим призванием и служением в Московском университете, где они практически одновременно начали свою научную и преподавательскую деятельность в конце 1880 – начале 1890 гг. Состоявшееся в стенах университета знакомство вскоре переросло в дружбу. Их связывала не только глубокая личная симпатия, но и общность духовных и нравственных идеалов, общественная активность, которая наиболее ярко проявилась в земском движении конца XIX – начала XX вв, в борьбе за свободу научной мысли и преподавания, за автономию высшей школы. Их объединял также взаимный духовный интерес к мировоззренческим проблемам, проблемам соотношения науки и философии, истории науки, истории философии. Известно, что С.Н.Трубецкой высоко ставил мировоззренческие поиски ученого – естествоиспытателя. Статью В.И.Вернадского «О научном мировоззрении» он оценил как «превосходную» и рекомендовал напечатать в журнале «Вопросы философии и психологии», где она и была впервые опубликована в 1903 году и вызвала живой отклик в философских и научных кругах.

В свою очередь, В.И.Вернадский, как и многие другие его современники, испытал на себе глубокое влияние незаурядной, цельной, универсально и свободно мыслящей личности С.Н.Трубецкого, облагораживающего воздействия его жизненной позиции, о чем сам проникновенно сказал после смерти философа в своей речи «Черты мировоззрения князя С.Н.Трубецкого». «Поэтому, - подчеркнул он, - вся жизнь князя С.Н.Трубецкого, русского ученого и русского философа, являлась сама по себе глубоким культурным делом общественным. Она не может и не должна быть забыта русским обществом. Ее след прочно и непреодолимо заложен в самой русской культуре и будет жить и развиваться вместе с ней» [1,166].

С.Н.Трубецкой активно участвовал в университетской жизни. «Черты универсализма, свойственные русскому духу, - пишет М.А.Маслин, - нашли свое отражение и в академической деятельности Трубецкого» [3,4]. Это получило практическое проявление в защите автономии университетов, в осуществлении идеи свободного академического союза, что связано с созданием студенческого историко-филологического общества и организацией массовой студенческой экскурсии в Грецию летом 1902 года. Можно представить, какое огромное значение это имело для интеллектуального развития и духовного воспитания студентов.

В это же время Трубецкой проявил себя талантливым публицистом, поднимая в своих статьях назревшие острые темы университетского образования и общего положения России. Он последовательно отстаивал автономию высшей школы, права Совета профессоров на руководство всем ходом университетской жизни, на широкую свободу академических союзов. Трубецкой был против внесения политики в стены университета и против превращения его в политический клуб. Свободу проведения политических митингов и манифестаций он признавал, но вне стен университета. Именно это Трубецкой считал необходимым условием введения университетской жизни в нормальное академическое русло. С.Н.Трубецкой был активным противником насильственных методов борьбы, выступал против расшатывания государственной системы управления; революцию он считал «величайшим бедствием, которое только может обрушиться на русский народ и русскую землю» [Цит. по: 3, 5].

Назревающие революционные события в начале XX века, в которые активно втягивалось студенчество, подвигли С.Н.Трубецкого к занятиям политической деятельностью. В 1905 году Трубецкой во главе делегации общественных деятелей был принят государем. Отмечая этот факт, В.В.Зеньковский фиксирует, что отныне деятельность С.Н.Трубецкого стала принимать широкий национальный характер [См.: 8, 95].

В составленной Трубецким, по поручению университетской общественности, докладной записке императору Николаю II от 21 июня 1905 г. о необходимости реформы высших учебных заведений подчеркивалась пагубность для университета Устава 1884 г., который отменил автономию, предоставленную университету уставами 1804 и 1863 гг. «В основу Устава 1884 г., - излагает свое видение С.Н.Трубецкой, - было положено явно и резко выраженное недоверие правительства к учащей России, к ученой коллегии. ...Профессорская корпорация была расформирована и устранена от управления высшей школой; из членов живой корпорации профессора превратились в отдельных лекторов. ...Был сломлен вековой порядок. Председатели ученых коллегий, деканы факультетов, бывшие выборными в течение 129 лет при всех прежних уставах, были заменены назначенными деканами: они превратились в зависимых и подчиненных министерских чиновников и тем самым теряли в глазах студентов, общества и самих товарищей тот необходимый в университете авторитет, который им прежде давало почетное избрание факультета» [Цит. по: 2, 7-8]. По мнению Трубецкого, Советы университетов должны самостоятельно решать все вузовские дела, только это способно умиротворить студентов и обеспечить в университете порядок.

Предпринятые шаги дали результат. 27 августа 1905 г. университету была возвращена автономия, а 2 сентября С.Н.Трубецкого избирают ректором Московского университета. Однако время было упущено, осуществить реформы, за которые он так настойчиво боролся, не удалось. Университет стал достоянием митингующих, учебный процесс был сорван, в нем начались беспорядки. Трубецкой вынужден был принять решение временно закрыть университет. Накануне (21 сентября) в здании университета проходила студенческая сходка, насчитывающая 4 тыс. человек, студенты среди

собравшихся оказались в меньшинстве. Было нарушено одно из главных требований ректора – доступ в университет должны иметь только студенты. 22 сентября, перед закрытием университета, Трубецкой-ректор, обратившись с речью к собранию студентов, сказал: «За безусловную свободу общественных политических собраний я стоял всегда и везде. ... Тем не менее я скажу вам здесь не только как ректор и профессор, но как общественный деятель, - что университет не может и не должен быть народной площадью, как народная площадь не может быть университетом, и всякая попытка превратить университет в такую площадь или превратить его в место народных митингов неизбежно уничтожат университет как таковой» [Цит. по: 2, 8-9].

Вопреки убеждению С.Н.Трубецкого, полученная автономия не спасла университет, она оказалась запоздалой. Тяжелое разочарование, посыпавшиеся со всех сторон грубые нападки и обвинения «в заигрывании с бунтарями» сломали уже подорванное к этому времени личными трагическими потерями здоровье Сергея Николаевича. 29 сентября 1905 года он скоропостижно скончался от инсульта. Прервалась недолгая жизнь великого философа, явившая, по словам В.И.Вернадского, яркий образец «искренности и смелости личного самоопределения» [1, 160]. Подобному образцу, на наш взгляд, соответствовала и жизненная позиция Владимира Ивановича, не менее ярко обнаружившаяся в его научной и педагогической деятельности.

Продолжая теперь уже заочный диалог со своим ушедшим другом и единомышленником, В.И.Вернадский также последовательно и настойчиво отстаивал основные принципы организации университетской жизни во время его работы в Московском и позднее – в Таврическом университетах.

Здесь уместно напомнить яркую речь В.И.Вернадского перед студентами сразу после избрания его ректором Таврического университета. Говоря об автономии университета, о свободе научного творчества, Владимир Иванович объяснял студентам основные принципы самоорганизации студенческой жизни. «Автономия, но не анархия. Задачи автономии: свобода извне, организация внутри» [9, 165]. Стремясь возродить прежнюю университетскую демократическую традицию, новый ректор отводил немалую роль студенчеству в построении университета нового типа. Он приглашал студенческую молодежь к совместной творческой деятельности, как академической, так и культурно-просветительской. Это была программная речь, ориентирующая студентов выполнять не только свои прямые функции, но и решать более широкие задачи, стоящие перед университетом, как образовательной структурой и учреждением культуры.

Возвратимся к личности С.Н.Трубецкого, чтобы, следуя Вернадскому, сосредоточить внимание на характерных чертах ее проявления, понять глубину и творческую прозорливость русского мыслителя, активного общественного деятеля своей эпохи, сумевшего с небывалой силой отразить мир «в его минуты роковые».

В этой связи обратим внимание на еще одно благородное качество его философской личности. Как истинный ученый и философ, С.Н.Трубецкой обладал, по словам М.А.Маслина, редким для своей эпохи даром академической невозмутимости и незлобности [3, 8-9]. Он отстаивал, как пишет этот современный исследователь, «основное философское убеждение», которое им самим определялось как «живое сознание универсальности всеединой истины» [3, 8-9]. Не случайно, С.Н.Трубецкой был одним из первых русских философов, кто забил тревогу по поводу привнесения в теоретическую сферу духа партийно-политической нетерпимости, тенденциозности, что вовсе не означало политической беспринципности философа. Напротив, он имел четкие политические позиции, мужественно защищал свои умеренно-либеральные взгляды, последовательно отстаивал принципы университетского самоуправления, народного представительства, смело выступал против всеильной русской бюрократии, против политического вмешательства в сферу печати, науки, образования. С.Н.Трубецкой предостерегал: философия не должна превращаться в разновидность политизированной публицистики, опускаться, с одной стороны, до уровня лакействующего «чего изволите?», а с другой – до уровня рьяного защитника узкогрупповых, партийных интересов [3, 9].

Вместе с тем, характеризуя философскую личность С.Н.Трубецкого, следует отметить присущую ему мировоззренческую терпимость, толерантность. И этим качеством он отличался от большинства русских философов начала XX века, когда дух партийной вражды и противостояния уже проник в философскую среду. Достаточно напомнить, как враждебно в русском образованном обществе был встречен сборник «Вехи», авторы которого критически оценивали мировоззренческие установки радикальной русской интеллигенции. В ответ оппоненты подвергли «Вехи» откровенному шельмованию, хлестко обзывая их «мемуарами унтерофицерской вдовы», «Цусимой литературы, аферизма, фарисейства» и т.п. Наклеивание политических ярлыков становилось делом привычным как для революционной, так и для либеральной среды того времени.

Распространение привнесенного из политики духа партийной вражды в сферу духовной культуры, С.Н.Трубецкой считал явлением негативным и безнравственным, пагубным для общественной жизни в целом. Он писал, что это происходит тогда, когда «ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений ... подымается и растет» и «когда одни части населения возбуждаются против других» [3, 10]. Не правда ли, списано, как будто, из дня сегодняшнего?

Не случайно, профессор Трубецкой свою задачу видел в том, чтобы не допускать роста настроений вражды и нетерпимости в академической среде. Проявлениям ожесточенности он противопоставлял взвешенный тон своих научных трудов, мудрость и спокойствие. Даже в ситуации, когда допускались личные выпады против него, Трубецкой демонстрировал терпимость и снисходительность. В вынужденной полемике, стремясь не задевать личности оппонента, он ограничивался использованием иносказаний, иронии, юмора, образов русских народных сказок. Примерами показательной реакции в этом отношении могут быть его публицистические статьи, «Сказка о Сене и Васе», «Сказка об общипанной Жар-Птице», «И ты, тоже, Брут» и др. [3, 10].

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство, характеризующее философскую и гражданскую позицию С.Н.Трубецкого. Анализируя основное направление идейно-политического противостояния в стране, Трубецкой высказал свою проницательную оценку этой ситуации. Он считал, что в настоящее время российская «группировка партий» должна быть представлена в таком виде: есть партия сторонников и есть партия противников России, ее государства и культуры [3, 11]. «В настоящую минуту, - писал он, - нет ни западников, ни славянофилов: есть люди порядочные и образованные и есть

люди непорядочные и необразованные; без различия партий, взглядов и философий – все порядочные люди подают друг другу руку в защиту некоторых основных принципов права, чести и нравственности, в отрицании и разрушении которых сходятся люди второго разряда» [3, 11].

Свою собственную философию, по оценке Зеньковского, отличающуюся последовательностью и цельностью, Трубецкой не ставил так высоко (хотя репутация у нее была высокой), чтобы с ее позиций отрицать значение и ценность других философских построений. В этом смысле характерно отношение Трубецкого как религиозного философа к другим философским системам, которые он не принимал. Так, будучи «конкретным идеалистом», Трубецкой тем не менее не считал себя принципиальным «противником материализма» (материалистической философии).

Как объективный исследователь, он видел, что «материализм включает в себе целый ряд метафизических истин, которые необходимо усвоить всякому метафизику» [3, 11]. К числу этих истин Трубецкой относил, в частности, «признание действительности за пределами явлений», атомизм, реальность пространства, времени, причинности [3, 11-12]. Признание «метафизических истин», содержащихся в материализме, оправдывается, по мнению Трубецкого, тем, что история философии не может быть представлена в виде одной саморазвивающейся системы. Предмет философии, - отмечал он, - в метафизическом смысле совпадает с ее историей, развертывание конкретной истории философских систем и есть предмет философии. Предметом философии является в «снятом» виде вся история философского познания или «исторически понимаемая философия всего человечества» [3, 12]. Поскольку мы не в силах, считает Трубецкой, «примирить основные противоречия бытия» - «идеализма и реализма», «идеального и сущего», «общего и частного», постольку отдельные частные процессы в истории философской мысли (материализм, идеализм, спиритуализм и другие) никогда не были и не могут быть заменой всего процесса в целом [3, 12].

На основании этого М.А.Маслин делает вывод о том, что С.Н.Трубецкой был, несомненно, сторонником научного подхода к истории философии; он разделял методологию историзма, объективности и научного скептицизма. Себя он называл приверженцем «научного историко-филологического, критического и скептического метода». Назначение скептицизма он видел в том, чтобы стоять на страже философии и быть ее постоянною, живою, обличительной совестью, не мешая ей принимать человеческие «идолы» за вечные «идеалы» [3, 12].

Подводя итоги, следует допустить, что в личности философа Трубецкого естество-испытателя Вернадского интересовали цельность его натуры, тяга к мировоззренческому универсализму, соборным масштабам личности, университета, общества. Это допущение основывается на том, что сам Вернадский реализовывал мировоззренческую позицию, близкую Трубецкому, в частности, будучи Президентом АН Украины, ректором Таврического университета и в своей разнобразной академической деятельности. Эта позиция выпукло была выражена и в споре с Дебориным о характере мировоззрения ученых, которые не должны обслуживать узко-партийные интересы.

В заключение на основании проведенного нами анализа напрашивается следующая констатация. Тема мировоззренческой переключки «Вернадский-Трубецкой» получает особый отзвук в наше время, когда в результате всеобщей коммерциализации общественной жизни, разрушения гуманистических идеалов, засилья массовой культуры усредняется, обезличивается человек, нивелируется творческая индивидуальность. Возникшую духовную ситуацию наши эстеты изящно обозначили как ощущение в обществе «тоски по личности». В этих условиях приобщение к мировоззренческим поискам В.И.Вернадского, его интересу к личности и жизненному кредо С.Н.Трубецкого может служить образцом для духовных поисков современного человека. С.Н.Трубецкой – яркий пример личности, которая умела противостоять натиску времени и мужественно отстаивать свое правило быть самим собой, быть всечеловеком в условиях тотального отрицания человека. Подобная характеристика, на наш взгляд, в полной мере может быть отнесена и к личности самого В.И.Вернадского.

Литература

1. Вернадский В.И. Черты мировоззрения князя С.Н. Трубецкого // В.И.Вернадский. О науке. Том I. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: Изд. центр «Феникс», 1997. – С. 159-167.
2. Гайденко П.П. «Конкретный идеализм» С.Н.Трубецкого // Трубецкой С.Н. Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П.П.Гайденко; Примеч. П.П.Гайденко, Д.Е.Афиногенова. – М.: Мысль, 1994. – С.3 -41.
3. Маслин М.А. С.Н.Трубецкой как русский философ // Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. – С. 3 – 14.
4. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П.П.Гайденко; Примеч. П.П.Гайденко, Д.Е.Афиногенова. – М.: Мысль, 1994. – С. 483-592.
5. Баландин Р.К. С.Н. Трубецкой. Соборность сознания // Баландин Р.К. Самые знаменитые философы России. – М.: Вече, 2001. – С. 312-315.
6. Лазарев Ф.В. Славянское древо. Книга судеб. – Симферополь: СОНАТ, 2003. – 248с.
7. Вернадский В.И. Об основаниях университетской реформы // В.И.Вернадский. О науке. Том 2. Научная деятельность. Научное образование. – Спб.: Изд-во РХГИ, 2002 – С. 115-147.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. – Ленинград: «Эго», 1991. – Том II – Часть 2. – С. 95-105.
9. Вернадский В.И. Дневники. 1917-1921 (январь 1920 – март 1921). – К.: Наукова думка, 1997. – 328 с.